

и указывает, что до сих пор наименее разработанными в исследованиях археологов и философов остаются нормы умственной деятельности, формы и специфика логических понятий первобытных людей. В решении этих проблем ведущая роль сейчас принадлежит этнографии.

Продолжая эти мысли, А. Н. Б у т н о в подчеркивает, что реконструкция общественных отношений древнейшего прошлого может осуществляться лишь на основе этнографических знаний. Однако прямая ретроспекция этнографических данных может быть пока распространена на период, не древнее мезолитической эпохи. Далее Н. А. Бутинов сообщает о специфических чертах во взглядах на развитие общественных отношений палеолитического периода в советской науке о первобытности: в конце 20-х и в 30-х гг. верхний палеолит трактовался как «родовое общество», с конца 30-х гг. и до последнего времени эту эпоху оценивали как «родовое общество», теперь же «родовое общество» вводят в средний палеолит. Н. А. Бутинов считает, что родовые институты существуют лишь у земледельцев, а у охотников каменного века формой общественной организации являлась кровнородственная община, модель которой он и пытается воссоздать.

В. М. Б а х т а сожалеет о том, что программой симпозиума не был предусмотрен специальный доклад, обобщающий достижения советской этнографии в истолковании первобытных общественных отношений. Это тем более необходимо, потому что во всех трудах, посвященных формированию человеческого общества, древнейшим этапам его истории, постоянно, но порою и произвольно, привлекаются этнографические факты. В. М. Бахта обращает внимание на то, что уже древнейшие формы производства создают прибавочный продукт. Этот вывод дает возможность анализа древнейших общественно-экономических отношений. Последние, по его мнению и должны быть положены в основу периодизации первобытного общества.

По мнению С. А. С е м е н о в а, проблема происхождения человека находится сейчас в критической фазе. Обнаруженные в Олдовэйском ущелье галечные орудия делали существо с мозгом, почти не отличимым от мозга высших обезьян. Это ставит новые проблемы в изучении первоначальных трудовых процессов, а также приводит к выводу, что на стадии *homo habilis* трудовые процессы еще не нашли отражения в структуре мозга древних гоминид.

В выступлении В. Ф. З ы б к о в ц а прозвучала уверенность, в том, что генезис духовной культуры и дорелигиозных представлений, выясненный к настоящему времени в философском плане, может решаться теперь уже на основе многочисленных археологических и этнографических фактов также и в конкретно-историческом аспекте.

В. М. М а с с о н в своем выступлении заметил, что П. И. Борисковский слишком осторожен в своих выводах об удревнении первоначальных этапов формирования человечества. Это удревнение имеет систематический, а не случайный характер, и сказывается на всех стадиях каменного века, включая и период формирования производящих форм хозяйства (неолит). Ему кажется также, что при характеристике скачка, произошедшего на грани древнего и позднего палеолита, П. И. Борисковский исходит не столько из археологических данных, сколько из факта появления *homo sapiens*, т. е. опирается на критерий чисто антропологический. В. М. Массон призвал шире популяризировать новые важнейшие археологические открытия.

Некоторые соображения о принципах организации и проведения симпозиума, а также о необходимости дальнейшей работы в этом направлении высказал Д. А. К р а й н о в.

В заключительных словах докладчики, коснувшись адресованных к ним замечаний, вновь кратко формулировали основные положения своих докладов.

Многочисленность выступлений на симпозиуме, разнообразие их тематики, различные подходы отдельных специалистов в сложным проблемам, затронутым в докладах и в ходе дискуссии, показали необходимость продолжения и расширения наблюдений и исследований во всех аспектах проблемы становления человеческого общества.

Подводя итоги работе симпозиума, директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР член-корреспондент АН СССР А. П. О к л а д н и к о в суммировал основные итоги двухдневной работы.

Симпозиумом были поставлены на обсуждение узловые проблемы науки о древнейшем прошлом человечества. Они были комплексно освещены по меньшей мере с трех основных сторон. Первая сторона — это проблема формирования собственно человека как антропологического типа. Вторая — это человек как социальное существо. И, наконец, проблема о происхождении и роли сознания на ранних ступенях развития. При всем многообразии точек зрения и видимой несхожести трактовок существенных вопросов возникновения человечества симпозиум выявил основные, принципиальные позитивные моменты, в которых выводы специалистов разных научных дисциплин в основе своей едины. Прежде всего человеческая история действительно удлинняется вдвое. В связи с этим по-новому встают вопросы о соотношении моментов социальных и досоциальных, биологических в процессе становления человечества.

ва. Этот длительный и сложный процесс нельзя представлять упрощенно даже при необходимости втиснуть его в жесткие рамки классификаций. Правильно, хотя и в несколько резкой форме, затрудняющей его верное понимание, оценивает В. П. Алексеев значение прямохождения в гоминизации наших животных предков. Возникновение этого нового качества в недрах животного мира потому и сыграло важнейшую роль, что тесно связано с развитием трудовых процессов у гоминид. Именно труд создал предпосылки к возникновению человеческого общества, а процесс его становления фиксируется вещественными документами с первых галечных орудий. С этого момента необратимо идет накопление человеческих качеств, выковывание прочных промежуточных звеньев между древностью и современностью, в облике творцов каменных орудий и в их культуре, за которыми стоят все более и более сложные коллективные отношения. Для характеристики этих соотношений советские специалисты традиционно применяют термины «человеческое первобытное стадо» и «человеческое родовое общество», и пересматривать их нет необходимости.

Термин «первобытное стадо» в нашей науке никогда не приравнивал входивших в него ископаемых гоминид и их организацию к стадной организации животных, высокий уровень и своеобразие организации первобытного стада подчеркивался и прибавлением слова: «человеческое». Это особое объединение формирующихся людей теперь, в свете новых открытий, предстает перед нами в еще большей степени наделенным типично человеческими общественными свойствами. Удревнение его на миллион лет — это не просто механическое прибавление огромного промежутка времени к процессу формирования человека: все дело в том, что в это время в среде формирующихся людей накапливается энергия для новых физических и общественных изменений. Как же провести границу между первобытным человеческим стадом и родовым обществом? Здесь вполне может быть принята за основу периодизация, предлагаемая П. И. Борисковским. Первобытное стадо соответствует эпохе нижнего палеолита, включая сюда и заключающую ступень — ашель и мустье. В эту эпоху формируются и человек и его общество. Появление сформировавшегося человека современного типа в начале верхнего палеолита начинает историю родового общества. Но основные элементы для перехода к этой более сложной общественной организации сложились еще к концу мустье: погребальный обряд с ориентировкой покойника по линии запад—восток, довольно развитая эстетическая деятельность и т. д. Искусство позднего палеолита, корнями уходящее в мустье, особенно отчетливо демонстрирует механизм образования человеческого начала, важная роль в котором принадлежит эстетическим моментам. Необходимо, заключает А. П. Окладников, продолжать в советской науке цепь передовых открытий, связанных с именами П. П. Ефименко, С. Н. Замятина и других исследователей, во многом подготовивших новейшие успехи мирового палеолитоведения, одновременно отмежевываясь от методологически реакционных направлений в науке о прошлом. В конце выступления следует благодарность устроителям симпозиума.

П. М. Кожин, Б. А. Фролов

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС МИКЕНОЛОГОВ

Прошло немногим более 10 лет с того дня, когда в небольшом французском городке Жиф-сюр-Ивет собрались ученые ряда стран для осмысления сделанной М. Вентрисом дешифровки критского линейного письма В и выработки программы исследований на ближайшие годы. Начался период формирования и бурного развития самой молодой отрасли науки об античности — микенологии. Ее представители неоднократно встречались на конференциях, симпозиумах и съездах. Из года в год рос объем научной литературы.

Однако в деятельности микенологов наблюдалась и известная разрозненность, несогласованность действий, порой дублирование в работе. Возникла необходимость в создании научных центров, которые смогли бы координировать усилия ученых различных стран. Один из них возник некоторое время тому назад в Италии при Римском университете. Центр Микенских исследований, возглавляемый известным итальянским ученым проф. К. Галлаватти, стал инициатором созыва и организации Первого *Международного микенологического конгресса, который состоялся в Риме с 27 сентября по 3 октября 1967 г. Конгрессу предстояло подвести итоги работы за истекшее 15-летие, добиться усиления координации в деятельности микенологов в национальном и международном плане, наметить ближайшие задачи и перспективы дальнейшего развития микенологических исследований. В конгрессе приняло участие свыше 1000 ученых из более чем 40 стран, 43 университетов и 50 научных учреждений.

Благодаря исключительной оперативности, проявленной организаторами конгресса, за неделю до его открытия были изданы типографским способом представленные его участниками материалы (всего три тома)¹, а также проспект подготовленной к конгрессу в национальном музее гор. Тарента выставки «Микенцы в Италии»².

На пленарных заседаниях и в трех секциях конгресса (археологической, исторической и филологической) было заслушано свыше ста докладов и сообщений, охвативших широкий круг проблем микенского мира. В настоящем обзоре мы остановимся лишь на двух важнейших вопросах: 1) микенское общество (в широком плане), 2) крито-микенские тексты и их интерпретация. Рассмотрим каждую группу вопросов в отдельности.

1. Микенское общество

«История и археология последнего века микенского периода» — тема доклада В. Десборо (Манчестер)³. В конце позднеэлладского периода III В, примерно в последней четверти XIII в. до н. э., указывает докладчик, на греческом материке к югу от Фессалии, в бывших центрах микенской цивилизации (Микены, Пилос, Мидея, Крiza, Гля) были обнаружены следы сильных разрушений и доказательства резкого сокращения, местами полного исчезновения населения. Несколько раньше жителям Микен, Тиринфа и Афин стало известно, что в случае осады они будут обеспечены водой. Примерно в это же время было начато, но не закончено строительство укреплений на Коринфском перешейке. Наконец, в начале позднеэлладского периода III С наблюдается значительный наплыв населения в ряд местностей, находящихся вне сферы Микен. Относительно причин этих событий имеются три теории: внутренних раздоров, внешнего вторжения и природного бедствия. Первая теория предполагает или восстание покоренного населения, или династическое соперничество. Второй фактор представляется более существенным, поскольку борьба за власть могла приводить к разрушениям и передвижению населения. Слабость теории вторжения извне состоит в том, что она не дает удовлетворительного ответа на вопрос, каким образом при наличии организованного сопротивления и мощных крепостей, особенно в Арголиде, захватчикам удалось одолеть микенские центры. К тому же полностью отсутствуют следы вторжения как в период разрушений, так и длительное время после него. Вместе с тем, имеются, однако, явные следы приготовлений к осаде, а стена через Истмийский перешеек должна была защищать, как показал проф. Бронир, Арголиду от нашествия с севера. Ее сооружение требовало большого притока рабочей силы, что вряд ли было возможно в период междоусобной борьбы. Широкий масштаб бедствия находит более убедительное объяснение на базе вторжения, но, по-видимому, не следует отбрасывать и теории внутренних раздоров. Все же не ясно, почему захватчики не оставили после себя следов ни в обычаях, ни в материальной культуре, а если ушли, то куда и почему. Согласно третьей теории, выдвинутой проф. Карпентером, не захватчики, не внутренние раздоры, а климатическое бедствие явилось основной причиной катастрофы. Неожиданное изменение в направлении ветров и отсутствие осадков привели к длительному периоду засухи. Она, в свою очередь, вызвала голод, внутренние беспорядки и, наконец, бегство населения. При всей своей привлекательности и теории Карпентера не устраняет многих трудностей в объяснении имевших место событий.

Население, покинувшее названные выше районы микенского мира, двинулось, как показывают раскопки, на Кипр (Энкоми, Синда, Китион) — здесь ощущается сильное влияние микенской керамики, архитектуры и религии, на Крит — Иофам указывает на наличие микенской керамики в Кноссе, Фесте, Агии Триаде и Кастри в позднеэлладский период III С, на юг и юго-запад Пелопоннеса, Арголиду, Фокиду, Беотию и, возможно, в Западную Аттику. Подсчеты показали, что в периоде III В было заселено свыше 200 местностей, в III С — только 50. В Мессении осталось после катастрофы не более 10% населения. Итак, вслед за разрушением Гранари в Микенах (около 1440 г. до н. э.) наступает сложная и темная последняя фаза позднеэлладского периода III С, знаменующая собой финальный этап микенской цивилизации. Большинство исторических проблем, связанных с этим периодом, еще не выяснено, неизвестно, что случилось в каждом из районов ни в относительных, ни в абсолютных датах. Можно полагать, что чисто микенские общины существовали до середины XI в. В керамике периода III С наблюдается уже потеря прежнего однообразия, появляются разнообразные стилистические элементы, свидетельствующие о значительной географической дифференциации населения. Кипрский керамический материал XI в. до н. э. дает основание предполагать движение иммигрантов из греческого материка после 1400 г. Наблюдается и приток населения на Кипр из Крита, связи Кипра с Атикой и Арголидой.

¹ Atti e memorie del 1° Congresso Internazionale di Micenologia, Roma, 27.9—3.10. 1967, Roma, 1967, I parte (XXI + 548 p.), II parte (180 p.), III parte (134 p.).

² I Micenei in Italia, Taranto, Museo Nazionale, ottobre 1967, Fasano, 1967.

³ V. R. Desborough, II, 35—50.

В последнее время удалось установить связь между керамикой Арголиты и Западной Аттики. Кладбище в Перати не обнаруживает погребений до 1100 г. до н. э. Появление могил-гробниц на смену могилам-камерам можно бы вместе с другими факторами (новый обряд жертвоприношений) интерпретировать как показатель наплыва нового населения из Северо-Западной Греции.

Проблеме передвижения греческих племен был посвящен специальный доклад Ф. Шахермеяра (Вена)⁴. Докладчик отметил, что вопрос о древнейшей иммиграции греческих элементов в Элладу продолжает оставаться одним из кардинальных в греческой истории. Две ошибки допускаются за последнее время в оценке археологических данных. Первая состоит в преувеличении роли и числа различных передвижений населения. В частности, слишком много переселений допускается для ранней греческой истории; при этом упускается из виду, что, например, культурные влияния из Малой Азии могли иметь место и без переселения народов. Вторая ошибка состоит в том, что имевшие несомненно место в истории передвижения небольших групп населения не принимаются во внимание, ибо они не оставили следов для археологов. Большинство существовавших до последнего времени гипотез допускало две разных переселенческих волны: одну — для ионийцев, другую — для ахейцев (аркадийцев, эолийцев). Эти гипотезы можно считать в настоящее время преодоленными. Благодаря работам Риша, Чадвика, Порцига и других было установлено, что диалект, который мы называем ионийским, появляется лишь в конце микенской эпохи после 1200 г. до н. э., что, следовательно, может идти речь лишь о двух волнах переселений вообще: одной для предков позднейших ионийцев, эолийцев, аркадийцев и ахейцев, другой — для дорийцев и северо-западных греков.

Культурные влияния на Грецию со стороны Малой Азии могли иметь место уже в V и IV тыс. (неолит) и это подтвердили последние раскопки; в Месопотамии, Сирии и на востоке Малой Азии существовала в то время довольно высокая культура. Далее, могли иметь место анатолийские культурные влияния (особенно по линии обработки металлов) и переселения в эпоху ранней бронзы. Только в конце этого периода (в Греции — это раннеэлладский) можно предполагать с наибольшей вероятностью вторжение в Эгеиду индоевропейских элементов. В Трое, Македонии и Греции встречаются в это время керамические изделия (амфоры), напоминающие своим стилем центральноевропейские. Все это заставляет предположить около 2300 г. до н. э. натиск европейских варварских племен, приведший к катастрофе 2000—1800 гг. вполне возможно, что среди «нажимающих» племен были и предки позднейших греков. Катастрофа 2000/1800 гг. служит границей между ранним и среднеэлладским периодами. В это время в Греции было уничтожено большинство раннеэлладских поселений. На их месте вскоре стали возникать новые. Пришельцы и покоренные постепенно перемешались. Образовавшаяся среднеэлладская культура проявляет удивительное единство по всей Греции. Население снова живет в небольших поселениях, жизнь течет мирно и спокойно.

Предположение некоторых исследователей о том, что вторгшиеся в Грецию в 2000/1800 гг. племена пришли из Северо-Западной Малой Азии, не выдерживает никакой критики. О том, что это были пришельцы из Центральной Европы, говорят найденные в некоторых местах примитивные секиры, уже давно вышедшие из употребления в Малой Азии.

Среднеэлладская культура удерживала в течение нескольких столетий свой консервативно-сельский образ жизни и вначале не подвергалась влияниям, оказываемым минойскими дворцами соседнего Крита. Сначала мы имеем дело с отдельными правилами, оставившими после себя несколько более богатые, чем у других, могилы. Затем начали появляться могилы, полные золота и богатств, добытых, несомненно, в военных набегах на Крит и Египет. Благодаря соединению среднеэлладской культуры с минойским влиянием и заимствованием с Востока боевых колесниц в Греции около 1600 г. до н. э. возникает микенская культура. Возможно, что около этого времени имели место набеги на Грецию отдельных племен из Передней Азии или Восточной Анатолии. Однако в целом микенский период также характеризуется не нарушенной ничем мирной непрерывностью. Лишь где-то около 1230 г. до н. э. начинаются разрушения, продолжавшиеся и в XII в. Они привели к гибели микенских дворцов и их культуры. В XI в. в Элладу вторглись дорийцы и северогреки из горных районов страны.

Археологические данные свидетельствуют о едином характере микенской культуры от Пелопоннеса до Фессалии. Греческие мифы о героях охватывают всю Грецию от Итаки и Калидона до Иолки, Аргоса и Спарты.

П. Конте (Рим)⁵ посвятил свое выступление рассмотрению содержащихся у Геродота сообщений о происхождении греков. Согласно Геродотовой хронологии, предки эллинов должны были прийти в Грецию около 2500 г. до н. э. Почти пять столетий они прожили на первоначально занятых землях, подвергаясь влиянию пеласгической цивилизации, пока ионийцы и эолийцы не стали составной частью пеласгов.

⁴ F. Schachermeyr, III, 105—120.

⁵ P. Conte, II, 27—34.

В то время как пеласго-ионийское племя вело оседлую жизнь, образ жизни дорийцев отличался большой динамичностью. В середине II тыс. до н. э. они были вытеснены вторжением финикийцев и из Фессалии перекочевали в Пелопоннес, вызывая в свою очередь передвижения и скрещения населявших полуостров племен. Одновременно началось передвижение населения с материка на противоположный берег Малой Азии, в Троаду, Мизию и Лидию (т. е. в будущую Эолиду). Эти сведения Геродота о греческой колонизации во II тыс. берегов Малой Азии получили недавно еще одно подтверждение. К. Блеген пришел к выводу, что основателями Трои VI, существовавшей с 1800 г. до 1300 г. до н. э., были греки.

В сообщении Г. О т а (Токио)⁶ был рассмотрен вопрос о структуре микенского общества. Микенские царства, по мнению докладчика, значительно отличались от позднейшего полисного общества классической Греции. Каждый wanaka не только имел в своем распоряжении многих пленных-рабов, но и вынуждал подчиненные ему села платить дань в виде скота, льна, бронзы, золота и других продуктов. Социальной ячейкой, в которой концентрировалась производственная деятельность и вся жизнь населения, была небольшая сельская община. Таким образом, основными элементами микенского общества были: 1) пленные-рабы, 2) система сбора дани, 3) сельская община. Это напоминает деспотическое восточное государство, но в уменьшенном виде. Ога подвергает анализу термины egeutera(-teros) ~ ἐλευθέρα(-θέρως) в пиловских табличках серии Ма, На и приходит к выводу, что в микенском обществе они обозначали лишь «свободный от (уплаты) дани». Концепция «свободы» в этот период соответствовала характеру и структуре микенского общества: это была «свобода от дани, от порабощения».

Таблички серии Е содержат сведения о двух видах землевладения. Четко различаются: индивидуальный или частный, с одной стороны, общий или общинный, с другой. Даже если damo (δάμος) обозначает само Пилосское государство, мы можем предположить, что каждое ушлицывающее дань село базировалось на общинном землевладении. В этом состоит разница между ним и между греческим и римским гражданским, а также феодальным землепользованием. Мы не находим нигде упоминания о периодическом переделе земли. Представляют интерес отношения между жрицей и damo (Ер 704, 5—6; Еб 297). В процессе развития частной собственности стремление к освобождению от damo в землепользовании было одним из аспектов концепции свободы. Это стремление не приводит, естественно, к крушению самой сельской общины, а лишь к изменениям в ее структуре и к появлению сельской общины нового типа. Этим новым типом была κόρη — ячейка полисного общества, определяемого Аристотелем как κοινὸν κοινωνία (Pol. 1252b).

Анализу терминов wanaka и rawaketa был посвящен доклад Ф. А д р а д о с а (Мадрид)⁷. Согласно установившейся традиции, говорит докладчик, принято считать, что wanaka в микенских текстах обозначает верховного царя, а rawaketa — верховного командующего войсками. Эта традиция основывается на трех моментах: 1) поскольку у Гомера ἀναξ является эпитетом царя или бога, термин wanaka в табличках стали переводить «царь»; 2) ввиду этого и на основании таблички Ер 312, где различается wanakatero temeno⁸ и rawakesijo temeno⁹, было решено, что rawaketa является вторым лицом двора; 3) это предположение основывалось на параллелях между wanakatero и rawakesijo в сериях Еб/Ер, Еп/Ео и Еа соответственно, принималось а priori, что wanakatero относится постоянно к царю. Ф. Адрадос подвергает тщательному разбору случаи употребления названных выше терминов в крито-микенских текстах и приходит к ряду новых выводов. Wanaka обозначает, согласно его интерпретации, не «царя», а «бога» и, в частности, Посейдона, покровителя Пилоса. Его служителями-жрецами являются wanaso и wanakatero. У rawaketa две функции: он — жрец и военный начальник. Это не главнокомандующий войсками, а один из многочисленных представителей микенской администрации. У него был, как и других, положенный по должности участок земли — temeno. В качестве жреца он принимает подносящиеся богам приношения.

Сообщение Ф. де В э л е (Нимеген)¹⁰ было посвящено производству военных повозок, Л. Г о д а р а (Брюссель)¹¹ — изготовлению оливкового масла, С. Л е в и н а (Бингамтон)¹² — хозяйственной роли лошади на Крите. Е. Ф и л л и п с (Бельфаст)¹³ проанализировал в свете данных микенской археологии упоминания Гомера («Одис-

⁶ Н. О т а, III, 80—83.

⁷ F. R. A d r a d o s, I, 1—14.

⁸ «Царский» участок.

⁹ Участок лавагета.

¹⁰ F. J. de W a e l e, I, 120.

¹¹ L. G o d a r t, II, 78—87.

¹² S. L e v i n, I, 252—258.

¹³ E. D. P h i l l i p s, I, 365—368.

сея») об Италии, Дж. Капуро (Фиренце)¹⁴ говорил о доэллинической истории сицилийских городов Гели и Агригента, М. Сакеллариу (Фессалонки)¹⁵ — о локализации гомеровской Эфиры («Илиада», 6, 152). В выступлении Н. Барбу (Бухарест)¹⁶ был поставлен вопрос о человеческих добродетелях микенского времени по данным «Илиады», Л. Винничук (Варшава)¹⁷ проанализировала встречающиеся у греческих трагиков упоминания о Микенах.

Ряд докладов участников конгресса был посвящен проблеме микенской религии. «Микенская религия: методологические замечания» — тема сообщения А. Брелиха (Рим)¹⁸. Докладчик констатирует, что дешифровка линейного письма В способствовала более углубленному и более конкретному изучению микенской религии. Вместе с тем некоторые исследователи, не являясь специалистами в области истории религии, стали выдвигать малоубедительные гипотезы, не вносящие ясности в обсуждаемые вопросы. Особенность микенской религии состоит в том, что она тесно связана, с одной стороны, с минойской и религией Ближнего Востока, с другой, с классической греческой. Необходимо сконцентрировать усилия на фундаментальных вопросах и прежде всего на типологической характеристике микенской религии и проблеме ее исторических связей с предшествующими и последующими религиозными системами.

Б. Дитрих (Граамстаун)¹⁹ задался целью рассмотреть таблички линейного В в плане микенской и греческой религии. Высоко оценивая значение крито-микенских текстов для изучения микенского мира, докладчик призывает к крайней осторожности в интерпретации данных, относящихся к культуре и религии, и полагает вместе с Чадвиком, что к их оценке должны быть привлечены специалисты самых различных областей знаний. Благодаря дешифровке линейного В было подтверждено предположение о непрерывности минойской, микенской и греческой религий. Многие из богов позднейшего греческого Олимпа были выявлены в табличках: Посейдон, Зевс, Дионис, Гермес, Афина, Гера, Артемида. Посейдон выступает как верховное божество в Пилосе. Potnia, по мнению специалистов, должна быть отождествлена с Артемидой, Деметрой или Афиной, как догреческая богиня-мать. Зевс был, по-видимому, связан с хтоническим культом на Крите. Вместе с тем многие вопросы, имеющие важное значение для микенского культа и религии, продолжают оставаться не выясненными.

Специальное исследование посвятила Посейдону И. Кирасси (Триест)²⁰. Один из главных богов позднейшего греческого Пантеона Посейдон (Poseidao) появляется в крито-микенских текстах тесно связанным с жизнью микенского общества. Он фактически бог Пилоса, города и государства, как вытекает из табличек знаменитой серии Es, а также Un 718, Fr 343, 4219, 4224, Tn 316. Его культ и ритуал, как видно, не отличается существенно от египетского, угаритского, шумерского, вавилонского и хеттского. Большое сходство наблюдается в деталях: культ сосредоточен в небольшом святилище posidaijo (Tn 316), куда поступают приношения высших должностных лиц и всего города; наличие особых опекающих храм жрецов posidaijeusi (дат. п. мн. ч., Fr 187); и, наконец, специальный ритуал, к которому имеют непосредственное отношение таблички серии Fr: в них идет речь об оливковом масле сакрального назначения. Наряду с Посейдоном в крито-микенских табличках упоминается и пилосская богиня Posidaea (Tn 316.) Обращает на себя внимание и культ бога Enesidao, упоминаемый в критских табличках. Как известно, одним из эпитетов Посейдона у Пиндара является Ἐννεοσίδαξ (Р. 4. 33). Надо полагать, что Posedao и Enesidao были связаны в представлении микенцев с таинственными для них землетрясениями. Микенский Posedao существенно отличался, таким образом, от олимпийского Посейдона, хотя последний и сохранил некоторые из его древних черт.

Дж. Привитера (Мессина)²¹ выступил с сообщением о Дионисе. Отсутствие упоминания о Дионисе в гомеровских поэмах ученые объясняли двояко: одни считали, что бог был неизвестен грекам в период, когда слагались поэмы, другие видели в молчании Гомера отрицательное отношение к дионисийской религии со стороны современного поэту общества. Присутствие Диониса в микенских документах могло бы говорить в пользу второй теории. Как видно из табличек, Дионис, по крайней мере в Пилосе, не был популярен, но, по-видимому, пользовался симпатией высших слоев общества. На одной из пилосских табличек (Xb 1419) находится, с одной стороны, слово diwonusojo, на другой wonowatisi. Можно предполагать, что речь идет о приношении вина Дионису²². Однако тот факт, что имя бога упоминается лишь дважды (также в Ха 102), не свидетельствует о распространенности его культа в микенской Гре-

¹⁴ G. Caputo, II, 23—26.

¹⁵ M. S. Sakellariou, II, 164—168.

¹⁶ N. I. Barbu, I, 19—25.

¹⁷ L. Winniczuk, II, 172—178.

¹⁸ A. Brelich, I, 44—54.

¹⁹ B. C. Dietrich, I, 121—143.

²⁰ I. Chirassi, I, 73—117.

²¹ J. A. Privitera, II, 151—156.

²² wo-no = οἶνος «вино».

ции. В последующие столетия дионисийская религия стала еще менее популярной. Вряд ли можно в связи с этим называть Диониса по меньшей мере в конце микенской эпохи божеством простого народа.

С анализом термина $\epsilon\mu\alpha\alpha_2$ выступила М. Ж е р а р (Льеж) ²³. Различные диалектные варианты имени греческого бога Гермеса восходят, говорит докладчик, к первоначальной форме * $\epsilon\rho\rho\alpha\alpha_2$, в которой удастся выделить основу * $\epsilon\rho\rho\alpha_2$ - и суффикс $-\alpha_2$. В то же время в греческом сохранились следы слова * $\epsilon\rho\rho\alpha_2$ «прут, жезл». Учитывая, что жезл был профессиональным атрибутом вестника, а Гермес выполнял с древнейшего времени функции вестника богов, уместно поставить вопрос, не связано ли происхождение имени бога с его атрибутом. Данные крито-микенских текстов, по видимому, подтверждают такое предположение. Филологический анализ табличек, в которых встречается термин $\epsilon\mu\alpha\alpha_2$, приводит к выводу, что мы имеем дело с нарицательным именем, представляющим лицо, чьим профессиональным атрибутом был жезл. Это мог быть вестник, глашатай или истолкователь. Итак, термин $\epsilon\mu\alpha\alpha_2$ не обозначает Гермеса, но позволяет объяснить происхождение его имени.

Дж. П и к к а л у г а (Рим) ²⁴ поделилась своими замечаниями относительно сакральной роли микенского жреца $i\epsilon\gamma\epsilon\upsilon$. Основная его функция состояла в наблюдении и контроле за жертвоприношением. Однако трудно сказать, закалывал ли он жертвы самодично. По-видимому, в подчинении каждого жреца находились его помощники типа $i\epsilon\gamma\epsilon\omega\upsilon\kappa\omicron$ ²⁵ и $\tau\upsilon\upsilon\epsilon\tau\alpha$ ²⁶, которые могли быть непосредственными исполнителями. Кроме того, существовала целая группа специалистов, отвечающих за организацию подготовки и проведения самой церемонии жертвоприношения.

2. Крито-микенские тексты и их интерпретация

а) Издание, изучение, анализ

С докладом об издании крито-микенских текстов выступил Дж. Ч а д в и к (Кембридж) ²⁷. Он указал на фундаментальное значение публикации текстов для микенологических исследований. Первое издание кноских надписей (Scripta Minoa II) в настоящее время в определенной мере устарело, как вследствие своего несовершенства, так и ввиду прогресса, достигнутого в восстановлении фрагментов.

В течение последних лет ведется работа по подготовке полного издания (editio maior) при участии Дж. Чадвика, Дж. Киллена и Ж. Оливье; планируется окончить ее через пять лет. Что касается пилосских текстов, то в одном из ближайших томов серии «Дворец Нестора» появится полная публикация табличек линейного В, подготовленная Е. Беннеттом. Издание Pylos Tablets II было дополнено публикацией The Olive Oil Tablets of Pylos и серией дополнений М. Ланг в сообщениях о раскопках в АЈА. Имеется транслитерация пилосских текстов в Inscriptiones Pyliae, подготовленная К. Галлаватти и А. Саккони. Готовится к изданию более полная и более совершенная транслитерация Ж. Оливье и Е. Беннета. С момента появления Мусеае Tablets III в 1963 г. новые таблички найдены не были. Имеется небольшое количество надписей на вазах, опубликованных в различных местах. Они собраны и вскоре будут изданы Ж. Резоном (J. Raison). Им же будут опубликованы надписи на вазах, найденные в Фивах. Анализ, проведенный Г. Кетлингом (H. W. Catling) и А. Миллеттом (A. Millett), позволяет отнести два комплекта этих vaz к Восточному Криту. Таблички, обнаруженные в 1964 г. недалеко от Кадмейона, пока не опубликованы. Всего имеется 21 фрагмент. Таблички однолинейные, напоминают пилосские.

Затем Дж. Чадвик высказал свои соображения относительно принципов издания крито-микенских надписей. Полное издание должно быть снабжено всеми необходимыми фотографиями и рисунками. Текст должен быть транслитерирован и снабжен критическим аппаратом. Необходимо ввести строгий порядок в отношении нумерации табличек. В подготовке будущего издания кноских текстов применен принцип деления на комплекты, содержащие группу табличек, составляющих один документ.

Докладчик проанализировал также проблему транскрипции крито-микенских текстов и встречающихся в них идеограмм.

В заключение Дж. Чадвик отметил, что последние 10 лет были ознаменованы большим прогрессом в издании текстов линейного В. Нужно сосредоточить сейчас усилия на закреплении достигнутого успеха. Конечно, полная стандартизация невозможна и нежелательна. Но разнородность в издании текстов мешает движению вперед.

Дж. Чадвик призвал к объединению сил микенологов и превращению англо-американского сотрудничества в этой области в сотрудничество всех членов Организации Объединенных Наций.

²³ M. G é g a r d, I, 207—208.

²⁴ J. P i c c a l u g a, I, 388—398.

²⁵ $\epsilon\rho\rho\upsilon\rho\tau\omicron\varsigma$ «совершающий обряд».

²⁶ $\theta\upsilon\tau\alpha\varsigma$ «совершающий жертвоприношение».

²⁷ J. C h a d w i c k, I, 55—67.

Ж. -П. Оливье (Афины)²⁸ назвал свой доклад «Микенская пинакология». Термином «пинакология» докладчик предлагает назвать изучение проблем «материального» или «археологического» порядка, возникших в связи с табличками линейного письма В. В задачу пинакологии входит: прилаживание разрозненных фрагментов; изучение состава глины и пыли, сохранившейся на поверхности табличек; изучение отпечатков пальцев писцов; физических особенностей (форма, цвет и т. д.) и, наконец, истории самих табличек. Два вопроса заслуживают в этой связи наибольшего внимания. Первый касается прилаживания фрагментов. В Пилосе имеется кроме 1200 изданных табличек около 2000 маленьких обломков: докладчику удалось за относительно небольшой срок работы в Национальном музее в Афинах приладить около ста фрагментов к ранее изданным табличкам. По его мнению, это же можно будет сделать с еще несколькими сотнями фрагментов. Однако условия работы с кносскими надписями менее благоприятны, так как там отсутствуют указания о месте находки почти двух третей табличек. Это сильно затрудняет работу по соединению разрозненных фрагментов. Второй вопрос относится к истории табличек и тоже связан с Кноссом. Речь идет о выявлении так называемых «отсутствующих» табличек (их оказалось около 120 между номерами 5000 и 6068) и установлении точного места их находки. Предстоит пересмотреть все фотографии табличек, найденных с 1900 г., и составить их каталог, тщательно изучить все записные книги, оставленные Эвансом.

А. Саккони (Рим)²⁹ посвятила свое сообщение подробному анализу употребляемых в крито-микенских текстах силлабических знаков, выполняющих роль сокращений и в ряде случаев идеограмм.

Г. Гейсс (Берлин)³⁰ остановил свое внимание на значении системы сокращений для линейного письма В. Докладчик указывает на большие трудности, связанные с выяснением их значения. Из 42 сокращений (согласно Деруа) для 29 предполагаются от двух до шести различных значений. Для выяснения точного значения каждого сокращения предстоит выполнить большую работу. Нужно исследовать его употребление внутри отдельных текстов или текстовых групп. Предстоит создать индекс сокращений для кносских табличек, а затем общий для всех крито-микенских текстов. Работа по их составлению и изданию проводится в настоящее время Немецкой Академией наук в Берлине.

П. Илиевски (Скопье)³¹ подверг новому рассмотрению пилосскую серию табличек Sn. Он обратил внимание на то, что количество пилосских табличек этой серии, содержащей списки рогатого скота, значительно меньше, чем кносских. На Кноссе оказалось весьма мало табличек серии E, относящихся к сельскому хозяйству, в то время как в Пилосе их выявлено очень много. В кносских табличках содержится частое упоминание о стадах баранов в 200, а иногда в 300 и даже 400 голов, в пилосских редко говорится о стадах в 200 голов, самое большое стадо насчитывает 230 баранов. Отсюда можно сделать вывод, что сельское хозяйство было менее развито на Крите, где зато имелись обширные пастбища для многочисленных овечьих отар. Наоборот, в Пилосе большая часть земли отводилась под нужды сельского хозяйства, что, естественно, вызывало сокращение количества пастбищ и ограничивало развитие скотоводства. Привлекает внимание в Пилосе и большое число табличек серии Na, связанной с производством льняного полотна. Это обстоятельство могло также влиять на постепенное сокращение производства шерсти.

А. Хойбек (Нюрнберг)³² предлагает свою интерпретацию микенского термина *damokoro* (PY On 300.7; Ta 711.1; KN X 7922; L 642.3). Видя во втором его элементе глагольный корень **ker* «растить, питать» (ср. гл. *korénnu*), он полагает, что *damokoro* — это «тот, кто заботится о развитии (питании?) *damo*». В подтверждение своего предположения А. Хойбек ссылается на высказанное Г. Каррателли мнение относительно микенских слов *lawos* (*λαός*) и *damos* (*δαμός*). Последний видит в них древние термины, представляющие два разных слоя микенского общества. Несомненно, что послемикенские параллели *δημιουργός*; *λειτουργός* должны восходить к более ранним *damijowergos*; *lawitowergos* (или — *worgos*). Надо полагать, что и термину *damokoro* противостоял термин *lawokoro*. Первый не сохранился, второй встречается в классическое время в названии местности вблизи Афин: *Λεωκόριον* (<* *Lāwo-korijon*), что могло обозначать место нахождения *lawokoro*.

М. Петрушевски (Скопье)³³ анализирует слова, обозначающие цвет в микенских текстах (Микены, Кносс, Пилос).

Новой интерпретации и чтению различных терминов посвящены сообщения П.

²⁸ J.-P. Olivier, II, 136—140.

²⁹ A. Saccioni, I, 474—504.

³⁰ H. Geiss, III, 53—56.

³¹ P. Hr. Ilievski, II, 92—96.

³² A. Heubeck, I, 209—212.

³³ M. D. Petrushevski, I, 360—364.

Шантрена (Париж)³⁴, Мерлингена (Вена)³⁵, Ч. Милани (Милан)³⁶. М. Пикар-Шмиттер (Париж)³⁷, Рейх (Амстердам)³⁸, Ж. Тайарда (Лион)³⁹.

Дж. Киллен (Кэмбридж)⁴⁰ подвергает анализу кносские таблички *ori*, Г. Мюлештейн (Базель)⁴¹ — микенские имена с начальным *ri-*, Л. Деруа (Льеж)⁴² — микенские топонимы на *-wo* типа *Egino_{wo}*.

Де Венуто (Рим)⁴³ рассматривает возможность принятия фонетического значения *kwa* для 82 знака микенского силлабического алфавита.

б) *Язык крито-микенских текстов линейного письма В*

Лингвистическая сторона этого вопроса нашла отражение в докладе О. Семереньи (Фрейбург)⁴⁴ «Микенский: столбовой камень между индоевропейским и историческим греческим». Докладчик отметил, что еще 15 лет тому назад отправным пунктом для истории греческого языка был VIII век: появление гомеровских поэм и первые эпиграфические памятники. Разрыв между ранними греческими документами и реконструируемым индоевропейским языком — предком — был весьма большим (2300—800 гг. до н. э.). В 1952 г. М. Вентрис нашел ключ к табличкам линейного письма В и добавил полстолетия к документированной истории греческого. Это дало огромную лингвистическую информацию. Новая дата, 1200 г. до н. э. на материке, и несколько более ранняя (около 1350) на Крите, дает возможность найти — особенно в области морфологии — ответ на вопрос о времени возникновения инноваций исторического греческого языка.

О. Семереньи рассматривает затем наиболее важные явления микенского греческого языка, разделяя их на две группы по отношению к индоевропейскому: на архаизмы и инновации. К архаизмам относятся: 1) лабиовелярные согласные (серия *q-*), 2) активное перфектное причастие с *s*-основой (ср. *aragwoa*), 3) сравнительную степень прилагательных *s*-склонения (ср. *mezoe*, *mezoa₂*), 4) двойственное число *a*-основ на *-o* (ср. *torozo*), 5) первоначальное различие между инструментальным и локативно-дательным падежами, 6) сохранение некоторых *m*-основ вместо позднейших основ на *-n*, 7) глагольные окончания *-toi*, *-vtoi*, 8) лексические архаизмы: а) *ijate*, *iatir* вместо позднейшего *iat-rós*, б) второй член *-dōwēs* в словах *tirijowe*, *qetorowe*, а по-прежнему доказывает, что позднейшее *ōs*, *ōtós* «ух» имело в микенское время форму **owos*/**oweos*, а не **owos*/**owatos*, однако наличие в Кноссе прилагательного *anowoto* доказывает, что появление основы **owat-* могло иметь место уже внутри греческого языка.

К инновациям, обнаруженным в микенском греческом, относятся: 1) индоевропейские звонкие придыхательные уже перешли в глухие придыхательные, 2) индоевропейское *s* уже перешло в *h*, 3) завершено развитие группы *ty ku* и *dy gy*, 4) начальное индоевропейское уже перешли в *z-* или *h-*, 5) уже закончена замена окончаний мн. ч. *o/a*-основ — *ōs*, *ās* — окончаниями *oi*, *ai*, 6) *a*-основы муж. р. уже перешли от склонения *-ā/ās* к склонению *-ās/-āo* (*-āo* из более раннего *-ājo*), 7) большая продуктивность именного суффикса *-ew* и соответствующего ему женского *-eja* (*ijereu/ijereja*), 8) формирование прилагательных с суффиксом *-went*, в ж. р. на *-wessa* вместо более древнего *-Fassa*, 9) тематические глаголы на *-ew*, 10) первые случаи появления аугмента, 11) лексической инновацией являются собственные имена типа *Κέσσανδρος*, *Ἀλεξάνδρα*.

Итак, «микенский» представляет собой безусловно греческий язык. Характерные черты, отличающие греческий от других индоевропейских языков, уже совсем четко развиты. Если взять «микенский» как систему, то можно сказать, что она далеко ушла от индоевропейского, а если не считать немногих следов старой системы, она стала уже почти целиком эллинской.

Историческому и филологическому аспектам проблемы языка крито-микенских текстов был посвящен доклад М. Лежена (Париж)⁴⁵ «Относительно греческого микенского диалекта». Греческие говоры I тыс. до н. э. делятся, как известно, указывается докладчик, на небольшое число диалектных групп, внутри которых расхожде-

³⁴ P. Chantraine, I, 68—72: kira, keraso (MY V 659).

³⁵ W. Merlinggen, I, 277—278: sapida (PY An 656.4).

³⁶ C. Milani, I, 279—280: surate/surase (PY Ae 72, Ae 264).

³⁷ M.-T. Picard-Schmitter, I, 369—387: torake (PY Sh 736).

³⁸ C. J. Ruijgh, I, 465—473: wejewe (KN Gv 863), wejeke₂ (PY Sa 787), we-jarepe (PY Fr 1205).

³⁹ J. Taillardat, I, 538—541: opisukoqe opikapeeweqe (PY Jn 829)

⁴⁰ J. T. Killen, II, 106—113.

⁴¹ H. Mühlestein, I, 303—305.

⁴² L. Derooy, I, 118—119.

⁴³ D. de Venuto, III, 39—46.

⁴⁴ O. Szemerényi, I, 527—537.

⁴⁵ M. Lejeune, I, 233—238.

ния от наречия к наречию менее значительны и, как правило, более свежи или вторичны. Признается поэтому, что эти большие диалектные группы являются следствием доисторического развития греческого лингвистического ареала, когда эллины жили еще вне Греции, скажем, в III тыс. до н. э. Последовательные иммиграционные волны принесли эти большие диалекты на территорию Греции во II тыс. В дальнейшем вследствие новых передвижений и действия субстрата различия между ними стали усиливаться и дали ту картину диалектов, которая нам известна с начала алфавитных времен. Последнее дорийское вторжение оставило в традиции точные следы: археология находит их в разрушениях XII в. до н. э. Ничто не исключает предположения, что одна волна могла принести с собой не один, а два диалекта: эолийцы, например, и ионийцы могли прийти в Грецию в результате одной миграции, расселяясь в разных районах полуострова. Не доказано также, что все вторжения должны были быть массовыми и разрушающими. Могли иметь место и мирные инфильтрации, которые не оставили материальных следов в цивилизации. Греки признавали существование трех больших диалектов: ионийского, эолийского и дорийского и предполагали существование трех больших племен с эпонимами: Ἴων, Αἰολός, Δῶρος сыновьями Ἑλλάγ'α, сына Девкалиона. Они не говорили об аркадско-кипрском, так как он не был литературным языком. Лингвисты выделили аркадско-кипрский как особую диалектную группу или объединяли ее с эолийским, а еще позже с ионийским. И вот 15 лет тому назад появился «микенский». Отрицательная дефиниция была ему дана сразу: он не содержит никакой специфической дорийской черты. Однако относительно положительной дефиниции единого мнения нет до сих пор. Эта архаическая форма греческого языка проявляет удивительное единообразие везде, где она обнаружена, — в Кноссе, Пилосе, Микенах и Фивах. Были найдены общие диалектные черты «микенского», с одной стороны, аркадско-кипрского, ионийско-аттического и эолийского — с другой. Показалось вначале, что наиболее многочисленными являются аркадско-кипрские, наименее — эолийские. Выяснилось, однако, что диалектная палитра микенского не соответствует точно ни одной из трех групп, включая аркадско-кипрский. Тем не менее связь с аркадско-кипрским определяет то направление, в котором следует вести поиски: речь идет не только о количестве соответствий, но и об их качестве. Не следует вместе с тем забывать, что в 1956 г. Георгиев определил «микенский» как общий язык микенскую *koivw*, на тысячу лет древнее второй, — александрийской. Эта гипотеза является более простой. Перестает удивлять в случае ее принятия сосуществование ионийских и эолийских элементов. Внутренние вариации «микенского» можно объяснить неустойчивостью смешанных языков. Предполагаемая койне не препятствовала существованию рядом с ней неписьменных говоров протоаркадских, протоионийских и протоэолийских, непосредственных предков диалектов I тыс. до н. э.

Однако микенская койне, по мнению М. Лежена, была искусственным языком. Это язык, которому в школах обучали микенских писцов. Он, возможно, сначала был в употреблении во дворцах, а затем распространился в качестве технического на греческий мир. Он был основан на диалектной базе аркадско-кипрского типа.

Г. Нейджик (Конкор)⁴⁶ подвергает анализу диалектные различия в пилосских текстах. Благодаря развернувшейся за последние годы работе по изучению почерка писцов — составителей пилосских табличек (Оливье, Беннетт) — удалось выяснить, что ряд различий в написании слов мог быть вызван индивидуальными особенностями языка или различным происхождением их создателей. Так, например, пилосские таблички серии E были написаны пятью или шестью писцами; лишь один из них пишет *rema* (Eg 312, 880) для обозначения термина *σπέρμα*, все остальные пишут постоянно *remo* (*σπέρμο*). Докладчик останавливается подробно на параллельных формах на *-si/-ti* (типа *karasija* : *karatija*, *Καρπασία* : *Καρπασία*) и ставит вопрос, не связаны ли формы на *-ti* в пилосских табличках с западногреческим диалектом.

Вопросу ассимиляции *θ* перед *ι* в микенском посвящено специальное сообщение М. Лежена (Париж)⁴⁷.

М. Дуранте (Рим)⁴⁸ в результате рассмотрения языковых отношений в микенской и позднейшей Греции приходит к заключению, что исторические греческие диалекты являются продолжением не микенской койне, представленной в табличках, а народных диалектов микенского периода. Междиалектная же койне обслуживала различные стороны микенской цивилизации, связанные с жизнью образованных слоев общества.

Отдельные вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса «микенского» диалекта были проанализированы в докладах А. Бартонека (Брно)⁴⁹, П. Ватле

⁴⁶ G. Nagy, I, 306—322.

⁴⁷ M. Lejeune, I, 239—249.

⁴⁸ M. Durante, II, 51—59.

⁴⁹ A. Bartonek, I, 26—31.

(Льеж)⁵⁰, А. М о р п у р г о (Оксфорд)⁵¹, М. Д о р и а (Триест)⁵² и Е. Р и ш а (Цюрих)⁵³.

К. Г а л л а в о т т и (Рим)⁵⁴ представил доклад на тему «Микенская традиция и греческая архаическая поэзия». Крито-микенские тексты, столь значительно обогатившие наши сведения о различных сторонах жизни микенского общества, не принесли, к сожалению, никаких непосредственных данных о микенской литературе, поэзии или прозе. Благодаря дешифровке удалось выяснить ряд вопросов, связанных с изображенной в гомеровских поэмах эпохой и историей греческого языка, однако остается все еще открытой проблема существования эпической поэзии в микенское время. Галлавотти сопоставляет некоторые характерные элементы гомеровской поэзии (размер стиха, тишические формулы, языковые особенности) с данными крито-микенских текстов и приходит к выводу, что нет основания говорить о непрерывности архаической традиции: следов существования поэзии «гомеровского» типа в микенской Греции обнаружить не удалось. Это, конечно, не значит, что в микенскую эпоху не было поэзии. Она, по-видимому, существовала, однако ее стихотворная система и поэтический язык остаются для нас неизвестными, поскольку они не могут быть выведены из гомеровской эпопеи и, как видно, не должны выводиться лишь из нее. Различные элементы этой поэзии различными путями оказали несомненно неодинаковое влияние на поэтическое творчество классической эпохи в разных областях Греции. Одним из этих элементов является обнаруженное у Гомера и других поэтов микенское лексическое наследие.

Тема доклада Н. Г р и н б а у м а (Кишинев)⁵⁵ — «Микенская койна и проблема образования языка древнегреческой хоровой лирики». Дешифровка линейного письма В явилась толчком и к пересмотру круга вопросов, связанных с образованием литературных языков в древней Греции, в том числе и языка хоровой лирики. В докладе подвергается критическому разбору имеющаяся по этой проблеме научная литература и предлагается ее новое решение с учетом данных языка крито-микенских текстов.

в) *Линейное письмо А*

С докладом на тему «Современное состояние дешифровки текстов линейного письма А» выступил В. Г е р г и е в (София)⁵⁶. Докладчик полагает, что в минойскую эпоху в восточных и центральных районах Крита, где были обнаружены надписи линейного А, проживало население, говорящее на языке хеттско-лувийского происхождения и что надписи линейного А написаны (по крайней мере частично) на этом языке, который можно назвать этеокритским (т. е. минойским). Тексты линейного А благодаря использованию для понимания его силлабария соответствующих фонетических значений линейного В можно считать в настоящее время прочтенными, а само линейное письмо А почти полностью дешифрованным. Теперь нужно правильно интерпретировать надписи. Эти надписи датируются первой половиной II тыс. до н. э. — от XX до XV столетия. Древнейшие лувийские тексты относятся к XV в., термилские (ликийские) — к V — IV вв. до н. э. Для интерпретации критских надписей линейного А следует пользоваться хеттским языком, весьма близким к лувийскому. Хеттский (лувийский) и этеокритский также весьма близки и принадлежат к анатолийской группе индоевропейских языков.

В. Георгиев предлагает свою интерпретацию надписей на вазе XVI в. из Прасса (вблизи Ираклиона), кувшине и табличке из Эпано Закро (Восточный Крит). Успех интерпретации определяется, по мнению докладчика, идентичностью грамматической структуры и лексики этеокритского с лувийским и хеттским. Половина текстов линейного А была обнаружена в Агии Триаде и относится к XV в. Эти тексты отличаются от остальных по языку. Анализ показывает, что они написаны на греческом диалекте, отличном от «микенского», представленного в табличках линейного В. Он принадлежал проживавшим в Центральном и Западном Крите грекам-кидонцам (Κυδωνες). Это были, по-видимому, первые греческие пришельцы на Крите (около 1700—1400 гг. до н. э.), позже прибыли ахейцы (после 1450 г.) и в конце — дорийцы.

Согласно археологам, в начале минойской эпохи (около 2600 г.) Восточный (и Центральный) Крит заселяется иммигрантами из Малой Азии. Роль Восточного Крита, открытого для анатолийского влияния, была очень значительной в создании минойской цивилизации. Это согласуется с лингвистическими данными. Тексты линейного А (кроме текстов из Агии Триады) написаны на языке, близком к хеттско-лувийскому языку Малой Азии. Многие критские топонимы еще долго сохранили следы этеокритского (минойского) происхождения.

⁵⁰ P. W a t h e l e t, I, 542—544.

⁵¹ A. M o r p u r g o - D a v i e s, I, 281—302.

⁵² M. D o r i a, I, 144—154.

⁵³ E. R i s c h, I, 452—464.

⁵⁴ C. G a l l a v o t t i, I, 158—182.

⁵⁵ Н. С. Г р и н б а у м, III, 64—75.

⁵⁶ V. J. G e o r g i e v, I, 183—206.

С. Девис (Иоганнесбург)⁵⁷ анализирует в своем сообщении силлабические знаки раннеминойского пиктографического (пероглифического) письма и линейного письма А, послуживших прототипом для силлабария линейного В. Он подчеркивает неизбежность внесения в образцы некоторых изменений, поскольку «микенский» греческий воспользовался письмом, предназначенным для другого языка. Дешифровка показала, что это был индоевропейский язык, а именно хеттский. Удалось установить морфологическую идентичность минойского языка с хеттским. Небольшие различия между ними состоят в следующем: они воспользовались разными системами письма (хеттский — клинописным); минойский древнее клинописного хеттского; некоторые слова минойского представлены в клинописном хеттском.

К. Гордон (Бруклин)⁵⁸ посвятил свой доклад рассмотрению состояния минойского вопроса. Докладчик указал на наличие в настоящее время двух точек зрения относительно лингвистической тождественности минойского: индоевропейской и семитической. Наряду с некоторыми общими для их представителей положениями, между ними имеются и серьезные различия в интерпретации языкового материала. К. Гордон приводит ряд доводов в подтверждение семитического происхождения таких упоминаемых в текстах линейного А слов, как: kuro, supu, akani, kunisu и других. Он считает, что есть основание говорить об идентичности минойско-этеокритского языка с семитическим.

Д. Паккард (Линкольн)⁵⁹ рассказал о принципах намечаемой им классификации текстов линейного письма А и углубленного анализа его силлабария.

«Линейное письмо А и анатолийские языки» — с таким докладом выступил Л. Пальмер (Оксфорд)⁶⁰. Предлагаемая им гипотеза сводится к тому, что языком надписей линейного письма А является анатолийский диалект, тесно связанный с «восточнолувийским», представленным в пероглифических текстах.

В. Шеворошкин (Москва)⁶¹ ставит в своем сообщении вопрос об отношении карийского с ликийским. Докладчик придерживается мнения, что если допустить существование хеттско-лидийской подгруппы малоазиатских языков, то карийский оказался бы в ее составе, в то время как лувийский и ликийский образуют другую подгруппу. Несмотря на фонетическую близость к ликийскому, карийский тесно связан морфологическими узлами с лидийским, и это обстоятельство является решающим. Связи с ликийским объясняются тем, что карийцы жили между ликийцами и лидийцами и испытали некоторое фонетическое влияние их языка.

О роли натуралистических знаков в минойском пероглифическом письме дожил Дж. Рейч (Манчестер)⁶², о кипро-минойской и других кипрских системах письма — О. Массон (Париж)⁶³. М. Андроникос (Фессалоники)⁶⁴ рассмотрел в своем сообщении вопрос о микенском и греческом письме, Г. Генригсвальд (Филадельфия)⁶⁵ — о силлабариях и этрусском письме. Ю. Откупщикова (Ленинград)⁶⁶ коснулся вопроса об отношении карийского алфавита к крито-микенскому и кипрскому силлабариям. Докладчик указал, что карийское письмо генетически совсем не связано с крито-микенским и кипрским силлабарием. Оно относится к той же системе письменности, что и греческо-фригийское письмо, восходя в конечном итоге к семитскому источнику. Поэтому идентификации знаков, основанные на сопоставлениях карийского алфавита со знаками кипрского силлабария, нуждаются в коренном пересмотре.

* * *

С 4 по 7 октября участники конгресса совершили экскурсию в Тарент для ознакомления со специальной выставкой, организованной для них в Национальном музее. На выставке были представлены наиболее значительные документы II тыс. до н. э., относящиеся к присутствию микенцев в Италии: керамические изделия, найденные в Пулии, Кампании, Лацио и на Сицилии, а также графики и фотографии интересных находок, обнаруженных за последние годы на эолийских островах (Липари и других).

Первый Международный микенологический конгресс в Риме явился важным событием в истории изучения микенского мира. Он подвел итог огромной работе, проведенной микенологами за последние 15 лет, и создал — благодаря коллективному обсуждению достигнутых результатов и выявлению подлежащих решению задач — новые благоприятные предпосылки для их еще более плодотворной деятельности в будущем.

Н. С. Гринбаум

⁵⁷ S. Davis, III, 14—19.

⁵⁸ C. H. Gordon, III, 57—63.

⁵⁹ D. W. Paskard, III, 96—98.

⁶⁰ L. R. Palmer, I, 329—342.

⁶¹ V. V. Sevoroskin, I, 506—516.

⁶² J. G. Reich, I, 439—451.

⁶³ O. Masson, II, 122—130.

⁶⁴ M. Andronicos, II, 7—10.

⁶⁵ H. M. Hoeningwald, I, 213—218.

⁶⁶ Ю. В. Откупщикова, III, 84—95.